

Макогонов, Владимир Андреевич

Владимир Андреевич Макогонов

Страны: [СССР](#)

Дата рождения: [27 августа 1904](#)

Место рождения: [Нахичевань](#)

Дата смерти: [2 января 1993](#) (88 лет)

Место [Баку](#)

смерти:	
Звание:	Почётный гроссмейстер(1987) Международный мастер(1950) Мастер спорта СССР (1927)

Влади́мир Андре́евич Макого́нов ([27 августа 1904](#), [Нахичевань](#) – [2 января 1993](#), [Баку](#)) – [советский шахматист](#), международный [почётный гроссмейстер](#) (1987).

Биография

Жизнь и деятельность Владимира Макогонова связана в основном с Баку. В чемпионате города 1923 он разделил 1-2 места с братом [Михаилом](#), затем ещё несколько раз выигрывал этот турнир. Пять раз (в 1947–1952) становился чемпионом [Азербайджанской ССР](#).

Учитель математики. Дружил с Л. Ландау, хотя и отклонил его предложение о совместной работе, ради шахмат. Шахматный теоретик, автор [дебютных](#) разработок в [ферзевом гамбите](#), [защите Грюнфельда](#), [староиндийской защите](#). Занимался тренерской деятельностью: работал с [Василием Смысловым](#) при подготовке к [матчу на первенство мира 1957](#), тренировал [Владимира Багирова](#), некоторое время работал с юным [Гарри Каспаровым](#).

[Мастер спорта СССР](#) с 1927, [международный мастер](#) с 1950, звание почётного гроссмейстера присвоено в 1987 за прежние достижения. [Заслуженный мастер спорта СССР](#) (1943).

Основные спортивные результаты

Год	Турнир	Результат	Место
1923	1-й чемпионат Баку	9 из 11	1-2
1924	Турнир чемпионов городов страны: предварительный групповой турнир полуфинал	7 из 8 2 из 5	1 4

1926	Чемпионат Баку	11½ из 13	1
1927	Кисловодск	7½ из 10	2
	Всесоюзный чемпионат работников просвещения: предварительный групповой турнир финал	10 из 12 2½ из 4	1 2
	Чемпионат Баку	13 из 15	1
	5-й чемпионат СССР	12½ из 20	5-6
1928	Чемпионат Закавказья	12 из 15	1
1929	6-й чемпионат СССР предварительный групповой турнир полуфинал	5½ из 8 1½ из 5	1-2 5-6
1934	Турнир шахматистов Закавказья	5½ из 14	6-7
	Открытый чемпионат Баку	9 из 11	1
	Тбилиси, отборочный турнир к 9-у первенству СССР	8 из 13	2
1934– 1935	9-й чемпионат СССР	10 из 19	9-12
1935	Чемпионат Баку	8½ из 11	1
1936	Первенство ВЦСПС: полуфинал	10 из 13	2

	финал	9½ из 18	9-12
1937	10-й чемпионат СССР	11½ из 19	4
1938	Чемпионат Азербайджана	11 из 13	1
	11-е первенство СССР (полуфинал)	10½ из 17	3-5
1939	Тренировочный турнир сильнейших шахматистов СССР	10 из 17	3-6
	11-й чемпионат СССР	10½ из 17	4-5
	Турнир (Ленинград/Москва)	10 из 17	3-6
1940	12-й чемпионат СССР	10½ из 19	7-9
1941	Открытый чемпионат Грузии	14½ из 19	2
1942	Матч с С. Флором	7½ – 4½	
1943	Двухкруговой турнир сильнейших шахматистов Закавказья	4½ из 8	2
	Свердловск, двухкруговой турнир сильнейших шахматистов страны	9 из 14	2
1944	13-е первенство СССР: полуфинал финал	7½ из 11 9 из 16	2-3 5-6
	Киев	6 из 11	5-6

1945	14-е первенство СССР (полуфинал)	8½ из 15	6-8
	Радиоматч СССР – США	1½ из 2	
1946	15-е первенство СССР (полуфинал)	10½ из 17	4-5
1947	15-й чемпионат СССР	9 из 19	10-12
	Пярну, турнир сильнейших шахматистов страны	5 из 13	11
	Чемпионат Азербайджана	15 из 15	1
1948	Чемпионат Азербайджана	15 из 15	1
	Чемпионат Закавказья	10 из 12	1
	Чемпионат Баку	10 из 12	1
	17-е первенство СССР (полуфинал)	8½ из 16	6-9
1949	Чемпионат Азербайджана	13 из 15	1
	Первенство ЦС ДСО «Большевик»	12 из 17	3-4
1951	Чемпионат Азербайджана	13 из 15	1
	19-е первенства СССР (полуфинал)	10½ из 15	7
	20-е первенства СССР (четвертьфинал)	9½ из 19	4-6

1952	Чемпионат Азербайджана	11½ из 13	1
1956	Финал 1-го Всесоюзного массового турнира	8 из 11	2-5
1963	Личное первенство вооружённых сил СССР	11 из 15	1
1975	Баку, международный турнир	6½ из 13	7-8

Number of games in database: 228
 Years covered: 1927 to 1960
 Overall record: +79 -48 =101 (56.8%)*

* Overall winning percentage = (wins+draws/2) / total games
Based on games in the database; may be incomplete.

MOST PLAYED OPENINGS

With the White pieces:	With the Black pieces:
Grunfeld (15) D81 D96 D94 D98 D95	Caro-Kann (22) B18 B11 B10 B14 B13
Nimzo Indian (10) E32 E33 E36 E37	Orthodox Defense (19) D59 D50 D58 D55 D52
Queen's Pawn Game (9) D02 A40 A50 E00	Ruy Lopez (12) C82 C83 C75 C96 C77
Orthodox Defense (9) D63 D55 D61 D59 D52	English (10) A13 A15 A14 A18
Slav (9) D13 D15 D14 D11 D10	Sicilian (10) B84 B80 B58 B95 B45
King's Indian (8) E87 E90 E70 E83 E85	Queen's Gambit Declined (9) D37

NOTABLE GAMES:

V Makogonov vs Botvinnik, 1940 1-0
Smyslov vs V Makogonov, 1947 1/2-1/2
V Makogonov vs Keres, 1939 1-0
V Makogonov vs Reshevsky, 1939 1-0
Kan vs V Makogonov, 1939 0-1
S Belavenets vs V Makogonov, 1937 0-1
V Makogonov vs Boleslavsky, 1943 1-0
V Makogonov vs Bronstein, 1944 1-0
V Makogonov vs Smyslov, 1940 1-0
V Makogonov vs Kasparian, 1937 1-0

NOTABLE TOURNAMENTS:

Sverdlovsk (1943)
USSR Championship (1927)
Leningrad/Moscow training (1939)
USSR Championship (1939)
USSR Championship (1944)
USSR Championship (1940)
USSR Championship 1934/35 (1934)
USSR Championship (1947)

GAME COLLECTIONS:

[Maestro from Baku: Vladimir Makogonov](#) by Resignation Trap

[Sverdlovsk 1943](#) by protean

[USSR Championship 1927](#) by Phony Benoni

[Makogonov](#) by Ill22t

[Search Sacrifice Explorer](#) for Vladimir Andreevich Makogonov

[Search Google](#) for Vladimir Andreevich Makogonov

Макогонов - феномен из «Феномена»

...В один из жарких летних дней 1919 года в популярное в ту пору бакинское кафе под названием «Феномен», расположенное на самом берегу Каспийского моря, вошел 15-летний паренек. В этом кафе вечерами собирались местные шахматисты: обмениваться последними

Некоторое время он, молча, наблюдал за игрой, но не удержался:

- Белые могли пожертвовать ладью и выиграть!

Играющие оставили реплику без внимания. После партии один из них, известный в городе журналист Абрам Гурвич подозвал юношу к себе:

- Присаживайтесь, молодой человек! Комментировать вы умеете.

Интересно, как вы играете?

В том, что играть юноша умеет, Гурвич убедился довольно скоро, проиграв две партии кряду. Затем настала очередь других завсегдатаев кафе. И они были биты.

- Это поразительно! - вскричал Гурвич. - Мальчишка делает с нами что хочет. Просто феномен какой-то! Кстати, как вас зовут, загадочный незнакомец?

- Володя.

- А фамилия?

- Макогонов...

Пройдут годы, и эта фамилия станет известной всему шахматному миру, войдет в шахматные учебники, станет символом особого мастерства, отмеченного печатью самобытного таланта. Впервые молодой шахматист заставил говорить о себе в 1927 году, когда дебютировал в первенстве СССР. Мало кому известный 23-летний чемпион Баку не ступал перед именитыми соперниками и, одержав 9 побед, в том числе над ведущими мастерами страны - Ильиным-Женевским, Дуз-Хотимирским, Григорьевым, - поделил 5-6-е места с другим новичком: 16-летним Михаилом Ботвинником. Обоим дебютантам по итогам чемпионата было присвоено звание мастера.

Через год Макогонов выигрывает первый чемпионат Закавказья. Казалось, впереди - новые большие успехи, но на несколько лет мастер неожиданно исчезает из поля зрения специалистов. Эти годы ушли на раздумья: по окончании физико-математического факультета Азербайджанского государственного университета Макогонов стоял перед выбором - большая наука или большие шахматы? Помимо шахматных он был наделен и блестящими математическими способностями. Вариантов для научной деятельности - хоть отбавляй. Бывший педагог, магистр чистой математики (существовало тогда и такое звание), профессор Николай Иовлев зовет к себе в Минск, есть приглашение из Ленинграда - от однокурсника по университету Льва Ландау: будущий лауреат Нобелевской премии был очень высокого мнения о Макогонове как о математике.

Шахматы взяли верх: Владимир Андреевич так никуда и не уехал, а устроился работать в школу в одном из бакинских пригородов учителем математики. Спустя много лет Ландау, встретив в Москве старого друга, скажет: «Ты даже не представляешь, как часто я нуждался в помощи такого математика, как ты, жалел, что тебя нет рядом со мной». Макогонов понимающе улыбнулся. Но что поделаешь, он не мог поступить иначе. Ведь наука поглотила бы его целиком, а педагогическая работа оставляла время и для углубленного занятия шахматами, и для участия в турнирах. Перед глазами был пример старшего брата Михаила, тоже шахматиста, которому преподавательская работа в вузе не мешала участвовать в турнирах: удачно выступив в чемпионате СССР 1929 года, он вошел в дюжину сильнейших и стал мастером.

Их было четыре брата - и все спортсмены (двое других - Виктор и Валентин - известные футболисты). 30-е годы - самые счастливые для спортивной семьи Макогоновых. Слава о них гремела не только по Закавказью, но и по всей стране. Однако Владимир резко выделялся, и не только на фоне братьев: он был самой большой надеждой азербайджанских любителей спорта в тридцатые годы. В него верили, за него болели, и он оправдывал ожидания. С 1937 по 1945 год Владимир Макогонов неизменно входил в число ведущих шахматистов страны, регулярно занимая в чемпионатах СССР высокие места.

«Грозой могучих чемпионов прослыл недаром Макогонов» - это двестише впервые появилось на страницах турнирного бюллетеня в 1939 году. Он действительно был грозой чемпионов. В тренировочном турнире сильнейших шахматистов СССР с участием известных иностранных гроссмейстеров бакинец поделил 3-6-е места и нанес сенсационные поражения Сэмюэлю Решевскому и Паулю Кересу. Особый резонанс вызвал выигрыш у Кереса, который незадолго до этого стал победителем знаменитого АВРО-турнира.

В чемпионате СССР 1940 года - одном из сильнейших за всю историю - Макогонов вновь победил Кереса, а также обыграл Ботвинника и Смыслова. Спустя два года он выигрывает в Баку матч у Флора - 5,5:4,5, а в 1943 году занимает второе место вслед за Ботвинником в свердловском турнире сильнейших шахматистов СССР. Комментируя свою партию с Макогоновым в этом турнире, Ботвинник напишет: «Владимир Андреевич Макогонов - несомненно, выдающийся шахматный мастер. По стилю своему он близок к великому Рубинштейну и нередко создавал глубокие, интересные в позиционном отношении партии». А по поводу игры бакинца в другой своей партии с ним (из чемпионата СССР 1944 года) Ботвинник скажет: «Макогонов защищался в стиле, напоминающем лучшие партии Рубинштейна».

Каким же он был, макогоновский стиль? Ясный, чистый, опирающийся на тонкое понимание позиции и начисто отвергающий какие-то сомнительные решения, он был воплощением его характера и строго математического склада ума, признающего лишь исчерпывающий расчет и полную объективность в оценке.

Может быть, стиль Макогонова и был близок к рубинштейновскому, но идеалом шахматиста для него оставался Капабланка. Партии великого кубинца он мог переигрывать множество раз, поражаясь филигранной технике, глубине идей и простоте их осуществления. Возможно, игра Капабланки была ему близка еще и потому, что отличилась глубиной математика, но не поэта - это отмечал еще Ласкер. Поэтом Макогонов не был никогда, но математик в нем жил всегда - и у доски школьной, и за доской шахматной. Поэтому наивысшее удовлетворение он получал, когда удавалось создать партию в духе своего кумира. И таких партий было немало. Они по праву занимают достойное место в сокровищнице шахматного искусства.

Макогонов вошел в шахматную историю и как участник знаменитого радиоматча с американцами. Когда 1 сентября 1945 года на сцене Центрального дома работников искусств в Москве впервые собралась сборная СССР, в ее составе был и Владимир Макогонов. Выступая на девятой доске, он взял полтора очка из двух у Купчика, внося тем самым свой вклад в общую убедительную победу советской команды.

Макогонов дебютировал в качестве тренера в 1947 году. Сборная СССР выехала в Лондон на дружеский матч с англичанами, и одним из тренеров советской команды был Владимир Макогонов. Через год началось его творческое содружество с Василием Смысловым, продолжавшееся 10 лет. Макогонов помогал Смыслову во время матч-турнира на первенство мира в 1948 году и в ходе трех его матчей с Ботвинником.

В начале 60-х годов Владимир Андреевич берет шефство над своей землячкой Татьяной Затуловской (сейчас она живет в Израиле, но родилась, выросла и стала шахматисткой в Баку). Именно с Макогоновым

связаны главные ее успехи. В 1962 году Затуловская становится чемпионкой СССР и на протяжении многих лет будет одной из главных претенденток на звание чемпионки мира.

Татьяна всегда с теплотой вспоминает о Макогонове. «Его помощь при анализе отложенных партий была неоценимой, - рассказывала она мне. - На сборах я разбирала с ним сыгранные мной турнирные партии. Только занимаясь с ним, я по-настоящему поняла, когда и какие фигуры надо менять и какие желательно оставить. Владимир Андреевич научил меня и серьезно относиться к своему здоровью, так как шахматные успехи и неудачи зависят от самочувствия. Ссор и неурядиц с ним у меня никогда не возникало. Да их и не могло быть - ведь он был таким мягким, добрым человеком!»

И Тигран Петросян сказал мне однажды: «Все мы, закавказские шахматисты учились играть на партиях Владимира Андреевича, поэтому среди нас так много последователей его позиционного стиля игры, классического стиля».

Собственно, Владимир Андреевич и был основателем бакинской шахматной школы, которая в итоге дала шахматному миру Каспарова. Когда 10-летний Гарри начал заниматься в 1973 году в заочной шахматной школе М. Ботвинника, экс-чемпион мира дал своему питомцу совет: «В период между сессиями нужен постоянный контакт с опытным тренером». И порекомендовал Макогонова. «Владимир Андреевич обучал меня не только секретам позиционной игры, искусством которой всегда славился, но и умению готовиться к турнирам, планировать соревновательный режим. Его уроки, как видно, хорошо усвоенные в далеком детстве, многие годы моей шахматной карьеры надежно служили мне», - с благодарностью вспоминает Каспаров.

Когда я, сам в прошлом ученик Макогонова, занимавшийся в руководимой им секции Бакинского дома офицеров, читаю сейчас об успехах молодых азербайджанских шахматистов Теймура Раджабова, Шахрияра Мамедьярова, Вугара Гашимова, читаю о настоящем шахматном буме в Баку, я неизменно вспоминаю своего первого шахматного учителя. Вспоминаю, какую радость доставляли ему победы земляков, как горд он был триумфами Каспарова. И сейчас, будь Владимир Андреевич жив, он порадовался бы за названных мной трех шахматных «мушкетеров» и их товарищей - продолжателей его, макогоновских традиций.

С форума:

«...У Владимира Андреевича было по-моему четверо детей (во всяком случае я знаю только о четверых): две дочери, одна из которых, Татьяна, закончила ВГИК и работала на к/с (ее хорошо знала моя мама, которая тоже закончила ВГИК и работала на к/с); и два сына-близнеца.

Я не очень хорошо помню (да меня тогда это еще и не очень

интересовало) В.А. Помню только, что производил он впечатление очень сдержанного и довольно закрытого для общения человека. Можно вспомнить наши бакинские дворы, в которых вся жизнь была на виду у соседей. А Макогоновы жили очень тихо и скромно. Знаю, что старость В.А. была омрачена смертью жены, не совсем удачно сложившейся личной жизнью его сына. В итоге В.А. вынужден был разменять свою квартиру и переехать вместе с сыном в маленькую квартирку куда-то чуть ли не в Ахмедлы.»

Best World Rank: #5 (on the [July 1945 rating list](#))

Highest Rating: 2735 on the [October 1945 rating list](#), #7 in world, [age 41y2m](#)

Best Individual Performance: 2726 in [Sverdlovsk, 1943](#), scoring 8/12 (67%) vs 2648-rated opposition

Ботвинник и Макогонов

В сентябре 1927 года два шахматиста дебютировали на проходившем в Москве пятом чемпионате СССР. Одному из них предстояло стать первым советским чемпионом мира. Другой, хотя и не добился выдающихся спортивных результатов, и звание гроссмейстера получил лишь на склоне лет за прошлые заслуги, навсегда вписал свое имя в шахматную историю ценными теоретическими разработками, своеобразным, тонким пониманием древней игры. Первого звали Михаил Ботвинник (и он, несмотря на юный возраст, был уже известен к тому времени победой в 1925 году над Капабланкой в сеансе одновременной игры), второго — Владимир Макогонов.

В течение 30 с лишним лет шло их соперничество, продолжавшееся даже тогда, когда Макогонов оставил большие шахматы и противостоял Ботвиннику уже в качестве тренера. Но это будет уже в пятидесятых, а тогда, в 1927-м, оба дебютанта (Ботвиннику было 16 лет, Макогонову — 23) только начинали свой путь в шахматах и мечтали о громких победах. То, что основания для этого у них были, показали итоги пятого чемпионата страны. Ботвинник и Макогонов поделили 5–6 места, что дало им право на получение редкого в ту пору мастерского звания. В очном поединке сильнее оказался Ботвинник.

Пройдет более полувека, и как-то в телефонном разговоре со мной Ботвинник (зная, что я — бакинец и ученик Макогонова) спросит: «А вы не знаете, сохранился ли у Владимира Андреевича текст нашей партии 1927 года, у меня не сохранился, а я хочу включить ее в сборник своих партий». Выяснилось, что и у Макогонова записи этой партии нет, но потом Ботвиннику удалось все же отыскать ее... Специалисты единодушно расценили выступление Ботвинника и Макогонова как большой успех, назвав обоих дебютантов самыми талантливыми из молодых шахматистов.

Никто не сомневался, что их ждет большое будущее, и уже ближайшие годы должны были это доказать.

Чемпионат СССР 1929 года в Одессе и Ботвинник, и Макогонов провели неудачно, хотя назывались в числе фаворитов. Оба они оказались в одной полуфинальной шестерке (чемпионат проводился по странной, больше никогда не применявшейся системе), но ни тот, ни другой в финальную лужку не пробилась, оказавшись позади мастеров Кана и Измайлова. Ботвинник быстро доказал случайность одесской неудачи, выиграв следующие два всесоюзных первенства — в 1931 и 1933 годах — и став к этому времени признанным лидером советских шахмат. А вот Макогонов... Бакинец после осечки 1929 года на целых пять лет отходит от шахмат, испытывая серьезные сомнения по поводу выбора жизненного пути. Ведь его, талантливого математика, настойчиво зовет в свою исследовательскую группу Лев Ландау, с которым они вместе учились в Азербайджанском государственном университете. Большая наука или большой спорт? В конце концов побеждает любовь к шахматам, и Макогонов принимает решение остаться преподавателем математики в средней школе, а все свободное время отдавать шахматам.

Чуть позже свой ответ на аналогичный вопрос даст и Ботвинник. И он — человек науки, но решает не расставаться с ней, а совмещать научную работу с шахматами, будучи уверен, что ему, уже дважды чемпиону СССР, главной надежде советских шахмат, государство создаст все условия для подобного совмещения. Макогонов же не мог рассчитывать на это, да и совместная работа с таким ученым, как Ландау, исключала возможность занятий шахматами.

Итак, Макогонов сделал выбор в пользу спорта. Но потеряно очень много времени — пять лет! Соперники (и не только Ботвинник) ушли далеко вперед. Надо быстро догонять их. И Макогонов устремляется в погоню. Вернувшись к шахматной жизни в 1934 году, он уже спустя три года едва не выигрывает чемпионат страны в Тбилиси. Лидируя за четыре тура до конца вместе с Левенфишем, Макогонов споткнулся на финише из-за болезни (приступ малярии) во встречах с явными аутсайдерами. Чемпионом стал Левенфиш, сыгравший потомничью матч за звание сильнейшего шахматиста страны с Ботвинником. А ведь этот матч, не случись финишной осечки, мог сыграть Макогонов...

11 лет (после памятного для обоих чемпионата СССР 1927 года) не

встречались за доской Ботвинник и Макогонов, и вот, наконец, в полуфинале всесоюзного первенства 1938 года они сошлись вновь. Совершив нехарактерную для себя оплошность в дебюте, Макогонов, игравший черными, быстро попал в тяжелое положение и спасти партию не смог. Но в финал он пробился легко...

Перед финалом чемпионата страны 1939 года Макогонов хорошо размялся в так называемом тренировочном турнире (Ленинград — Москва) с участием Кереса, Ревевского и Флора, победив в отличном стиле и эстонца, и американца и поделив в итоге 3–6 места. Он чувствовал, что находится в хорошей форме, и настроивался на борьбу за победу в чемпионате. Но... До последнего тура за первое место боролись фаворит Ботвинник и сенсация турнира, 20-летний дебютант Александр Котов. Именно неожиданное поражение от Котова лишило Макогонова возможности занять второе место, которое вполне соответствовало бы тогдашней расстановке шахматных сил в стране. Бакинцев не попал даже в призовую тройку, поделив 4–5 места с Чеховером... Чемпионат страны 1940 года был самым сильным из предвоенных. Кроме лучших советских шахматистов того времени, в нем впервые приняли участие представи-

тели только что вошедших в состав СССР прибалтийских республик — Пауль Керес (Эстония), Владимир Петров (Латвия) и Владас Микенас (Литва). Предполагалось, что первое место разыграют между собой Ботвинник и Керес. Но на сцене Большого зала Московской консерватории имени П. И. Чайковского неожиданно разыгрались драматические для фаворитов события...

Началось с того, что Керес уже в пятом туре проиграл Макогонову, который после этой победы захватил лидерство вместе с Бондаревским и Стольбергом. После девяти туров Бондаревский продолжал лидировать. На пол-очка отставали подтянувшийся Ботвинник и Макогонов. В одиннадцатом туре они встречались между собой. То была едва ли не самая интересная партия чемпионата и наверняка самая драматичная в истории встреч двух старых соперников. Получив в коронном дебюте Ботвинника (голландская защита) белыми несколько худшую позицию, Макогонов в дальнейшем действовал очень изобретательно, сумел обострить игру жертвой центральной пешки и создал неотразимые угрозы белому королю. Финал партии был весьма эффектным и вызвал аплодисменты зала. Макогонов одержал свою первую победу над Ботвинником.

После 15 туров бакинцев шел на втором месте, опережая и Ботвинника, и Кереса, но силы его были уже на исходе. Счастье вновь, как и в 1937 году, отвернулось от него на самом финише, и он в итоге поделил 7–9 места, лишь на пол-очка отстав от Ботвинника и не попав в заветную шестерку, которая потом разыграла между собой в специальном матч-турнире звание абсолютного чемпиона СССР. Матч-турнир выиграл Ботвинник (вторым был Керес), а Бондаревский и Лилиенталь — победители чемпионата страны 1940 года — замкнули таблицу. Уверен, что Макогонов в турнире шести выступил бы гораздо лучше и имел все шансы стать третьим, составив достойную конкуренцию первым двум призерам. Ведь он обыграл в чемпионате и Ботвинника, и Кереса, и Смыслова, занявшего третье место в турнире шести. В соревновании с ровным составом и без явных аутсайдеров бакинцев наверняка мог показать высокий результат.

Это подтвердил спустя три года двухкруговой турнир сильнейших шахматистов страны в Свердловске, который стал пиком спортивных достижений Макогонова: борьба за победу шла только между ним и Ботвинником. В турнире играли практически все лучшие шахматисты СССР, кроме Кереса, Бондаревского и Лилиенталья. Ботвинник не без труда занял первое место. Вторым был Макогонов, за год до этого выигравший в Баку матч у Флора. В Свердловске он опередил и Смыслова, и Болеславского, набрав против каждого из них по полтора очка из двух. Две партии с Ботвинником были очень интересными. В одной игравший белыми Ботвинник был вынужден во избежание худшего жертвовать ладью и коня форсировать ничью. Другую партию Ботвинник выиграл.

После турнира в Свердловске, покажавшего, что вторым шахматистами страны на данный момент является Макогонов, Ботвинник заявил, что, видимо, бакинский

мастер будет его основным конкурентом в борьбе за первое место в ближайшем чемпионате СССР. Об этом прогнозе сообщил Макогосов тогдашний председатель Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта Снегов. Настоящая его фамилия была Тряпкин, но, когда Сталин утверждал его кандидатуру на пост главы советского спорта, то предложил изменить ее, мотивируя это тем, что руководитель с такой фамилией станет предметом насмешек и не будет пользоваться авторитетом у спортсменов. Так Тряпкин стал Снеговым. Так вот, приемная Макогосова, возвращавшегося из Свердловска в Баку, в связи с присвоением ему звания заслуженного мастера спорта, Снегов сказал: «А знаете, сам Ботвинник вас побаивается и считает, что вы можете претендовать на золотую медаль. Вы для него сейчас — главный соперник. Так что вы — один из фаворитов 13-го чемпионата СССР. От вас ждут многого».

Прогноз, увы, не оправдался. Ботвинник уверенно выиграл чемпионат СССР 1944 года, Макогосов поделил 5–6 места. Но его партия с Ботвинником носила принципиальный характер и вновь привлекла внимание специалистов. Ботвинник писал: «Макогосов тонко защищался в стиле, напоминающем лучшие партии Рубинштейна».

Это была последняя встреча за доской старых противников. После 1944 года их шахматные дороги окончательно разошлись. Ботвинник продолжил свой путь наверх, к шахматному Олимпу, и стал спустя четыре года чемпионом мира. А вот кривая успехов Макогосова пошла вниз. В 1945 году он все еще считался пятым в стране и вместе с Ботвинником в числе 10 лучших шахматистов Советского Союза принял участие в знаменитом радиоматче СССР — США, внося свой вклад (полтора очка из двух) в победу советской команды. Но спустя два года, в 1947-м, то есть через 20 лет

после памятного дебюта, Макогосов сыграл в своем последнем чемпионате СССР, где занял непривычное для себя место в середине турнирной таблицы...

Дуэль с Ботвинником, как это ни странно, продолжилась, только теперь он противостоял давнему сопернику в качестве тренера. Начиная с матч-турнира на первенство мира 1948 года, Макогосов работал со Смысловым. Смыслов понимал, что никто лучше Макогосова не знает Ботвинника, его стиль, излюбленные приемы борьбы, сильные и слабые места. Он применял в поединках с Ботвинником системы, разработанные Макогосовым в славянской защите, защите Грюнфельда, и, как правило, они приносили ему успех...

Готовясь к матчам со Смысловым, Ботвинник внимательно изучал партии Макогосова последнего периода. Так, комментируя в книге, посвященной матчу со Смысловым 1954 года, первую партию, где была разыграна французская защита, Ботвинник в примечаниях к одному из дебютных ходов игравшего белыми противника заметил, что это продолжение не удивило его, так как встретилось в партии Макогосов — Арамано-вич, сыгранной в 1947 году. Ботвинник так основательно изучил творчество Макогосова, что оказался знаком даже с партией бакинца, сыгранной с малоизвестным мастером в каком-то незначительном турнире!

В августе 1984 года Макогосову исполнилось 80 лет. Я готовил для бакинских газет подборку юбилейных материалов и решил попросить Ботвинника прислать хотя бы небольшую заметку о Владимире Андреевиче. Ботвинник охотно откликнулся на мою просьбу и прислал нужную мне статью. Она невелика, но написана очень тепло и интересно, так что приведу ее текст почти полностью:

«На финише чемпионата Ленинграда 1926 года мне пришлось встретиться с А. Перфильевым.

Белыми я стремительно атаковал и быстро выиграл. Стали анализировать партию, и оба партнера были согласны: черным все время было плохо. «А если здесь сделать другой ход?» — услышал я за спиной высокий голос. Тут же чья-то рука сделала этот «другой» ход, и все замолчали — белые теряли фигуру без какой-либо компенсации... Я обернулся, чтобы увидеть столь проницательного незнакомца. Потом уже выяснилось, что это был Владимир Макогосов. Впоследствии мы не раз встречались за шахматным столиком...

Чтобы понять, как играл Макогосов, достаточно посмотреть нашу партию из 14-го чемпионата СССР (Москва, 1944). Мой партнер был в трудной ситуации, но с тончайшим позиционным пониманием (не останавливаясь перед жертвой материала) он выровнял игру, и партия закончилась миром.

По стилю Макогосов напоминал А. Рубинштейна. Самобытное позиционное понимание сочеталось с недостаточной искусственностью в тактической борьбе. Но в нашей партии 12-го чемпионата СССР (Москва, 1940) Макогосов наказал меня как за позиционные, так и за тактические погрешности!

Не следует удивляться высоким творческим и спортивным достижениям В.А. Макогосова, а надо поставить вопрос: почему его достижения не были еще большими? Видимо, это объясняется тем, что он поздно приобщился к шахматам. В 1926 году, когда он впервые появился в Ленинграде, ему было уже 22 года!

Да, Владимир Андреевич Макогосов оставил заметный след в отечественном шахматном искусстве».

Эту заметку, написанную по моей просьбе, Ботвинник включил потом в сборник своих статей под названием «Макогосов — 80». А перед этим звонил мне в Баку, интересовался, в какой именно газете напечатана его статья к юбилею Макогосова, и просил прислать эту газету. Конечно, я немедленно сделал это.

Ботвинник неоднократно сравнивал Макогонова с Акибой Рубинштейном. Не помню, чтобы кто-либо другой из советских шахматистов удостоивался такого сравнения. Также он высоко ценил и тренерский талант Макогонова. Когда Гарри Каспаров в 1973 году начал заниматься в заочной шахматной школе Ботвинника, то через некоторое время получил такой совет экс-чемпиона мира: «В период между сессиями нужен постоянный контакт с опытным тренером. Рекомендую Макогонова». Владимир Андреевич согласился помочь юному Каспарову и в течение пяти лет опекал его. «Занимаясь с ним, — рассказывал Гарри. — я понял, что Ботвинник и Макогонов — шахматисты одного понимания игры, представители классической направленности, и это позволило моим наставникам выдерживать единую тренерскую линию, занятия приобретали необходимую цельность и продуктивность».

Несмотря на многие годы острого соперничества, их обоюдное уважение было глубоким и совершенно искренним. Именно так и должны относиться друг к другу большие шахматисты, тем более, когда времена турнирной борьбы давно уже позади. Когда я, приезжая в Москву, звонил Ботвиннику (а это было для меня своеобразным обязательным ритуалом), Михаил Моисеевич неизменно задавал мне один и тот же вопрос: «А как там дела у Макогонова, здоров ли он, передайте ему мой привет». Иногда он спрашивал: «А сколько сейчас лет Владимиру Андреевичу?» — и, услышав мой ответ, говорил: «Да, годы бегут очень быстро. Ведь когда мы с ним познакомились, мне было 15, а ему — 22. Представляете?»

Занимаясь в шахматной секции Бакинском Дома офицеров, которой руководил Макогонов, разбирая вместе с ним партии ведущих маститых гроссмейстеров («кро-

кодиллов», как он их называл, вкладывая в это слово из давно забытого шахматного жаргона 30-х годов только уважительный смысл), я мог понять, почувствовать, как он относится к тому или иному из них. Авторитетов для него существовало немного. Кумир был один — Капабланка, а из советских шахматистов (своих современников) он выше всех ставил Ботвинника, Смыслова, Петросяна, Кереса. Ботвинник был первым в этом ряду.

Однажды я спросил Владимира Андреевича, в чем же все-таки была сила Ботвинника, ведь по таланту ему, вероятно, не уступали ни Керес, ни Решевский, ни Смыслов... Макогонов, немного подумав, ответил: «Важен ведь не только талант. Еще в 1936 году, после Ноттингема, Алехин писал, что Ботвинник помимо огромного таланта обладает всеми спортивными качествами, которые имеют решающее значение для успеха: бесстрашием, выдержкой, точным чутьем для оценки позиции. А самое главное, на мой взгляд, заключается в том, что Ботвинник превосходил всех в силе характера, который иначе, как железным, не назовешь. Даже во время нашей первой встречи в чемпионате страны 1927 года, когда ему было только 16 лет, а мне уже 23, он играл так, словно не сомневался в победе. Его уверенность в себе и напор, постоянное давление заставляли нервничать и ошибаться. Лишь раз я видел неуверенного Ботвинника — в чемпионате СССР 1940 года. Игра у него не получалась, а между тем решался ключевой тогда вопрос о том, кто сильнее — он или Керес — и кто из них должен играть матч с Алехиным. Его нервозность я почувствовал и во время нашей с ним партии, которую мне удалось, перехватив инициативу, красиво выиграть, чем я очень горжусь. Но этот чемпионат был исключением. Ботвинника я привык видеть другим — сильным и до предела мобилизованным. Я со-

гласен с Тиграном Вартоновичем Петросяном, который однажды сказал, что при игре с Ботвинником появлялось неприятное чувство неовратимости, и сравнил Ботвинника с бульдозером, который все сметает на своем пути. Да, я не раз убеждался в том, что противостоять этому «бульдозеру» было очень тяжело!»

Характер — железный, непреклонный, так нужный для больших побед. Его-то как раз и не хватало Владимиру Андреевичу Макогонову — человеку очень мягкому, в высшей степени интеллигентному, лишенному чрезмерного честолюбия, который никогда не видел в сопернике за доской врага. Не испытывал порой столь нужной спортивной злости. Вероятно, во многом именно поэтому такими разными оказались судьбы двух дебютантов чемпионата СССР 1927 года. (Конечно, были и другие причины, и одна из них состояла в том, что Макогонов был единственным среди крупных советских шахматистов настоящим любителем, прекрасным педагогом математики, никогда не прекращавшим преподавательской работы в школе, которая и «кормила» его.) Один из них — Михаил Ботвинник — сумел на все 100 процентов использовать свой незаурядный талант и вписал, яркие страницы в историю отечественных шахмат. Другой — Владимир Макогонов — не смог подняться до таких высот и порой после обидных неудач за доской с горечью спрашивал себя, а верно ли он поступил, отказавшись в свое время от предложения работать с Ландау. Но и он оставил о себе память как о выдающемся шахматисте и тренере. Что же касается правильности сделанного когда-то выбора, позволяло себе процитировать любимые мною слова Боба Гидбола, одного из героев популярного рассказа О. Генри: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет выбирать дорогу».

Матч Флор — Макогонов

Об этом матче, игранном 47 лет назад, написано очень мало. Не сохранилось даже всех его партий. А между тем в свое время матч вызвал огромный интерес и много споров. Неожиданными для специалистов были и итоги соревнования, и сама его развязка. Впрочем, не будем забегать вперед и расскажем обо всем по порядку.

10 апреля 1942 года газета «Бакинский рабочий» сообщила своим читателям: «Сегодня в Доме Красной Армии начинается шахматный матч между гроссмейстером Сало Флором и мастером Владимиром Макогоновым...» Это было приятным сюрпризом для местных любителей шахмат, не избалованных крупными соревнованиями. В какой-то мере приезд Флора в тревожные дни 42-го был неожиданным и для самого Макогонова. Правда, Саломон Михайлович тогда уже постоянно жил в Москве, но советского гражданства еще не имел (его он получит несколько позже, в том же году).

Конечно, одному из основных претендентов на мировое первенство, собиравшемуся в предвоенные годы играть матч с АLEXИНЫМ, требовалась практика для поддержания спортивной формы. И он предложил Макогонову сыграть матч. В спарринг-партнеры Флор выбрал одного из сильнейших шахматистов страны конца 30-х — начала 40-х годов, с которым до этого встречался лишь однажды — в тренировочном турнире 1939 года, проходившем в Ленинграде и Москве (партия закончилась вничью). В том соревновании участвовали практически все лучшие шахматисты СССР (за исключением Ботвинника) и три приглашенных зарубежных гроссмейстера — Керес, Решевский и Флор. Последние двое и стали победителями

турнира. Оценивая игру бакинца, поделившего 3—6-е места, Флор писал в статье «Мысли по поводу тренировочного турнира»: «Макогонов, победивший двух гроссмейстеров (Кереса и Решевского.— В. А.), показал себя весьма сильным, солидным мастером, выиграть у которого очень трудно. Ему не хватает уверенности в себе и боевого духа...»

Спустя три года выяснилось, что и уверенности и боевого духа у бакинца прибавилось. Макогонов, конечно, сознавал, какой сильный, опытный соперник противостоит ему. Причем соперник, искушенный как в турнирной, так и в матчевой борьбе (Флор к тому времени успел сыграть девять матчей — в том числе с Эйве и Ботвинником, не проиграв ни одного). Для Макогонова же это был первый в жизни матч! И все же он считал себя вправе рассчитывать на успех, настроившись на упорную борьбу.

Условились, что матч будет состоять из 12 партий. Уже первая встреча показала, что в лице Макогонова Флор встретил достойного соперника.

Каталонское начало E09 ФЛОР МАКОГОНОВ

1-я партия матча

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. g3 d5 4. Cg2 c6 5. Kd2 Kbd7 6. Kgf3 Ce7 7. 0—0 0—0 8. b3 b6 9. Cb2 Cb7 10. Фс2 c5 11. Лас1 Лс8 12. Фb1 (активнее 12. Ке5) 12... Лс7 13. Лfd1 dc 14. К:c4 b5 15. Ке3?!

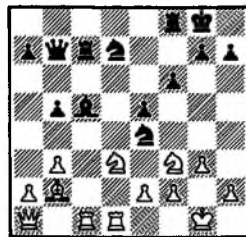
Лучше было 15. Kcd2, сохраняя контроль над полем e4.

15... Ce4 16. Фа1 Фс8 17. dc C:c5 18. Kd4 C:g2 19. К:g2 Фb7 20. Ke1 e5 (овладевая ключевыми полями в центре) 21. Kdf3?

Серьезная стратегическая ошибка, в результате которой расположение ферзя и слона на большой диагонали теряет смысл. Следовало играть 21. Kf5!

21... Ке4! 22. Kd3 f6!

Теперь видны результаты опрометчивого 21-го хода белых: их слон и ферзь потеряли подвижность, и положение сразу стало трудным. Поучительно проследить, с каким мастерством Макогонов использует выгоды своего положения.

23. К:c5 Kd:c5 24. Фb1 a5 25. Ca3.

Потеря времени, так как продвижение b5—b4 входит в план черных.

25... b4 26. Cb2 Фb6 27. Лf1 (может быть, лучше было 27. e3) 27... Лfc8 28. Лс4 Кd6 29. Лс2 Кс4.

Черные стремятся к эндшпилю, справедливо полагая, что их конь окажется значительно сильнее белого слона.

30. Л:с7 Л:с7 31. Фd3 Фb5! 32. Фd1 Лс5 (начало оригинального маневра ладьи) 33. a3 Лd5 34. Фс2 Фс5 35. Фс1 Кс3 (финальную часть Макогонов проводит образцово) 36. С:с3 bc 37. Ke1 Лd2 38. Kd3 Фd4 39. b4 Л:e2 40. Фb1 Лd2 41. Кс5 Фс4 42. Kb3 Лb2 43. Фd1 Л:b3 44. Ф:d6 с2 45. Фd7 h6. Белые сдались.

Флор предпринял попытку сразу отыграться и действительно был близок к успеху. Макогонов во второй партии действовал пассивно, и в отложенной позиции Флор имел две лишние пешки. Однако доигрывание показало, что бакинец ведаром слыл великолепным мастером защиты. Используя малозаметные неточности партнера, он сумел свести к ничьей партию, которую ему советовали сдать без доигрывания.

Затем последовали две относительно мирные ничьи. То было короткое затишье перед боем. Его дал Флор в пятой партии. Играя белыми, он долго выискивал возможность нанести решающий удар, но черные изобретательно защищались, поддерживая равновесие. В обоюдном цейтноте гроссмейстер отказался от ничьей, которую мог форсировать повторением ходов, и... просрочил время на 39-м ходу. Разрыв стал угрожающим — $3\frac{1}{2}:1\frac{1}{2}$ в пользу Макогонова.

Надо сказать, что партии матча игрались не только в Доме Красной Армии, где он начался, но и в залах Дома пионеров, Индустриального института, Университета, Дома техники. А шестая встреча проходила в военном госпитале, где накануне матча Флор давал сеанс одновременной игры. Белыми играл Макогонов. Любопытно,

что в этом матче все «белые» партии он начинал исключительно ходом e2—e4, хотя любимым его началом всегда было d2—d4. Но, во-первых, он готовил противнику сюрприз, а во-вторых, не без оснований полагал, что переиграть Флора в досконально изученных им схемах ферзевого гамбита будет очень трудно. Правда, в шестой партии гроссмейстер, избрав защиту Каро-Канн, легко уравнил игру, а тут еще Макогонов «зевнул» важную пешку. Однако, перейдя к защите, бакинец вновь оказался на высоте и сумел спасти трудный коневой эндшпиль. Ничья на 86-м ходу.

Но в следующем поединке Макогонов устоять не смог. Флор использовал наконец белый цвет. Уже по дебюту он получил преимущество, завладел центром и начал опасную атаку на черного короля. К 29-му ходу все было кончено. Разрыв сократился до минимума — 4:3.

Многое теперь зависело от хода восьмой партии. Ее Макогонов провел с особым вдохновением. В книге «Шахматы сражаются» (посвященной соревнованиям военных лет) И. Романов, касаясь матча Флор — Макогонов, пишет: «Подлинно гроссмейстерский класс лидера азербайджанских шахматистов был раскрыт, в частности, в следующей партии, которая извлечена из журнала «Огонек» военной поры». И далее приводится восьмая партия, заключительный ход которой назван «редким по красоте выпадом слона».

Испанская партия С76 МАКОГОНОВ ФЛОР 8-я партия матча

1. e4 e5 2. Kf3 Кс6 3. Сb5 a6 4. Ca4 d6 5. c3 Cd7 6. d4 g6 7. de 8. Ce3 Кf6 9. Kbd2 Kg4 10. Cg5 f6.

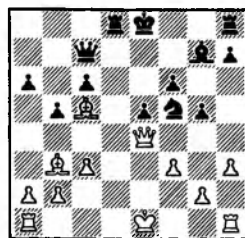
Сыграно с идеей ограничить возможности слона. Однако при этом сильно ослабляется позиция королевского фланга. К примерно равной игре ведет 10... Ce7.

11. Ch4 Фе7 12. h3 Kh6 13. Kf1! (начало удачной перегруппировки сил) 13... g5 14. Cg3 b5 15. Сс2 Ка5 16. Ke3 Сс6 17. Kd2 Cg7 18. f3 (слон выходит на свободу и

вскоре примет активное участие в борьбе) 18... с6 19. Cf2 Kf7 20. Kf5 С:f5 21. ef Kd6 (видимо, следовало рокировать) 22. Сс5 Каb7 23. Ke4 Лd8.

В случае 23... К:c5 24. К:c5 К:f5 25. С:f5 Ф:c5 26. Фd7 Kрf8 27. Се6 позиции черных не позавидуешь.

24. К:d6 К:d6 25. Сb3! (препятствуя рокировке) 25... Фс7 26. Фе2! (жертва пешки с целью вскрыть линии; на 26. Фс2 могло последовать 26... Кс4) 26... К:f5 27. Фе4.

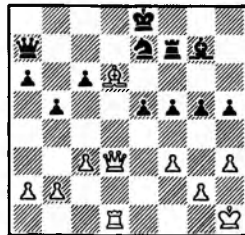
27... Фс8.

Конечно, не 27... Kg3 28. Фg4, и черные теряют фигуру. Но заслуживало внимания 27... Kd6, и если 28. Фg4, то 28... h5! 29. Фе6 Фе7. И хотя после 30. Ф:e7 Kр:e7 31. 0—0—0 черные попадали под неприятную связку, использовать ее далеко не просто.

28. Фg4 h5 29. Фе4 Лh6.

Прикрывая поле g6. Черные попали под знаменитый макогоновский «пресс», вырваться из-под которого не сумеют уже до конца партии.

30. Cf2 (надо защитить поле g3) 30... Ke7 31. 0—0 Kd5 32. Сс2 Ke7 33. Лad1 f5 34. Фе3 Cf6 35. Л:d8 Ф:d8 36. Лd1 Фс7 37. Фd3 Cg7 (37... Kрf8 38. Сс5) 38. Сс5 Лf6 39. Cd6 Фа7 40. Kрh1 Лf7 (позволяя белым эффективно закончить борьбу).

41. Сб8! Черные сдались. Действительно картинная позиция.

Итак, статус-кво было восстановлено — 5:3. Девятая партия завершилась вничью. В десятой вновь была «испанка», и Флору тонкими действиями в миттельшпиле удалось получить перевес. Макогонов снова, как и в восьмой партии, пожертвовал пешку, но на сей раз неудачно. При доигрывании гроссмейстер уверенно добился победы.

Итак, $5\frac{1}{2}:4\frac{1}{2}$, и две партии до финиша. Интерес к матчу достиг апогея, и здесь произошло непредвиденное. Флор, проявлявший заметную нервозность в ходе единоборства, складывавшегося для него неудачно, вступил в конфликт с судейской коллегией и в результате сделал далеко не лучший в своей спортивной биографии «ход»: он отказался продолжать матч и уехал из Баку. Естественно, в оставшихся партиях ему были засчитаны поражения, и официальный итог зафиксировал преимущество бакинца в три очка — $7\frac{1}{2}:4\frac{1}{2}$. Именно этот счет и был указан в сообщении «Правды» от 4 мая 1942 года.

Флор протестовал по этому поводу, но так или иначе матч был им проигран. Результат единоборства многие расценивали как сенсацию. Однако случайным его никак не назовешь. И первопричина поражения Флора заключалась не в отсутствии должной практической подготовки (ее не было и у Макогонова), а в том, что ему пришлось играть во многом против самого себя. Флор столкнулся с шахматистом того же тонкого позиционного стиля, в котором играл сам. Попытка переиграть соперника чисто техническими средствами успеха не имела, а по глубине стратегических замыслов бакинец (во всяком случае, в этом матче) даже превосходил его.

Через год Флору представилась возможность взять реванш у Макогонова. В Баку был организован двухкруговой турнир, в котором играли «дуэт» лучших шахматистов Азербайджана — Макогонов и Абрамян и приглашенное «трио» — Флор, юный Бронштейн и чемпион

Грузии Эбралидзе. Флор занял первое место, опередив Макогонова на пол-очка. Однако в личных встречах перевес снова был на стороне бакинца, который белыми добился успеха, доказав силу введенной им в практику системы игры против староиндийской защиты, а черными сыграл вничью. И вновь, как и год назад, их поединки вызвали повышенный интерес бакинцев. Во время одной из партий главным судьей турнира позвали к телефону. Звонили по поручению пациентов эвакогоспиталя, которые просили организовать передачу ходов партии в госпиталь. Просьба была выполнена.

Кстати, годы спустя Д. Бронштейн напишет в своем «Самоучителе шахматной игры»: «Один из тех, о ком я неизменно думаю с чувством глубокого почтения, — бакинский мастер Владимир Макогонов. В сущности, это гроссмейстер — и по пониманию шахмат, и по силе игры, и по богатству творческой фантазии. Особенно яркое впечатление на меня производила его игра фигурами, точнее его умение ставить фигуры так, что они оказывались защищенными без прикрытия пешек. Это был какой-то сложный танец, в котором фигуры сохраняли неуязвимость, каким-то непостижимым образом подерживая друг друга в пустоте шахматного пространства».

После тех памятных встреч в Баку поединки между Флором и Макогоновым стали носить принципиальный характер. В 1944 году они встретились сначала в 13-м чемпионате страны, а затем в показательном турнире, проведенном в освобожденном Киеве. Оба раза была зафиксирована ничья. И только в 1947 году Флору наконец удалось дважды одолеть «трудного» соперника — в 15-м чемпионате СССР и в турнире сильнейших шахматистов страны в Пярну.

Всего с 1942 по 1947 год Флор и Макогонов сыграли между собой 16 партий, причем ровно половина — результативные! А ведь и того и другого не раз упрекали в излишнем миролюбии, склонности к ничьим...

Валерий АСРИЯН,
кандидат в мастера
Баку

URS-ch05 Moscow, 1927	not rated on September 1927 list	[2552]	+3 (8.5/14, 61%)	= (2/4, 50%) vs 2588-rated opposition	N/A
URS-ch06 qf4 Odessa, 1929	not rated on January 1929 list	-	+1 (1/1, 100%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-ch06 sf1 Odessa, 1929	not rated on January 1929 list	[2443]	-1 (0/1, 0%)	-1 (0/1, 0%) vs 2546-rated opposition	N/A
URS-ch09 Leningrad, 1934	not rated on January 1934 list	-	+1 (10/19, 53%)	no games vs rated opposition	N/A
Trade Unions Moscow, 1936	2529 (#74 on January 1936 list)	[2524]	+2 (3/4, 75%)	-1 (0/1, 0%) vs 2675-rated opposition	-0.3
Tbilisi (URS Championship), 1937	2497 (#92 on April 1937 list)	2583	+4 (11.5/19, 61%)	+1 (8.5/16, 53%) vs 2555-rated opposition	+1.6
Leningrad, 1938	2585 (#38 on January 1938 list)	2543	+4 (10/16, 63%)	= (4/8, 50%) vs 2550-rated opposition	-0.3
Leningrad/Moscow, 1939	2606 (#27 on January 1939 list)	2664	+3 (10/17, 59%)	+3 (9.5/16, 59%) vs 2606-rated opposition	+1.5
Leningrad (URS Championship), 1939	2645 (#16 on April 1939 list)	2664	+4 (10.5/17, 62%)	+4 (10.5/17, 62%) vs 2586-rated opposition	+0.8
Moscow (URS Championship), 1940	2661 (#12 on September 1940 list)	2664	+2 (10.5/19, 55%)	+3 (10.5/18, 58%) vs 2607-rated opposition	+0.4
Flohr-Makogonov Match (Baku), 1942	2653 (#17 on January 1942 list)	-	+2 (2/2, 100%)	no games vs rated opposition	N/A
Sverdlovsk, 1943	2676 (#12 on January 1943 list)	2726	+4 (9/14, 64%)	+4 (8/12, 67%) vs 2648-rated opposition	+1.6
Kiev, 1944	2731 (#6 on January 1944 list)	[2609]	+1 (4/7, 57%)	+1 (1.5/2, 75%) vs 2628-rated opposition	+0.3
Moscow (URS Championship), 1944	2731 (#6 on January 1944 list)	2687	+2 (9/16, 56%)	+3 (7/11, 64%) vs 2627-rated opposition	+0.2
USA-URS radio m URS, 1945	2731 (#7 on September 1945 list)	-	+1 (1.5/2, 75%)	no games vs rated opposition	N/A
Parnu, 1947	2676 (#16 on January 1947 list)	2550	-3 (5/13, 38%)	-4 (3.5/11, 32%) vs 2662-rated opposition	-2.2
Leningrad (URS Championship), 1947	2664 (#18 on February 1947 list)	2589	-1 (9/19, 47%)	-2 (6/14, 43%) vs 2634-rated opposition	-1.5
Tbilisi, 1949	2564 (#62 on January 1949 list)	2493	+1 (8.5/16, 53%)	-2 (2.5/7, 36%) vs 2568-rated opposition	-1.0
Baku, 1951	2532 (#99 on January 1951 list)	[2622]	+2 (3.5/5, 70%)	+1 (2.5/4, 63%) vs 2631-rated opposition	+1.0
URS-chT Tbilisi, 1951	2532 (#99 on January 1951 list)	[2601]	-1 (0.5/2, 25%)	-1 (0.5/2, 25%) vs 2758-rated opposition	=0.0
URS-chT Moscow, 1959	not rated on August 1959 list	[2556]	+2 (2/2, 100%)	+1 (1/1, 100%) vs 2556-rated opposition	N/A
URS-chT, 1962	not rated on January 1962 list	-	+1 (1/1, 100%)	no games vs rated opposition	N/A
URS, 1963	not rated on January 1963 list	-	= (0.5/1, 50%)	no games vs rated opposition	N/A
URS-chT Moscow, 1963	not rated on August 1963 list	[2442]	-1 (1/3, 33%)	-2 (0/2, 0%) vs 2590-rated opposition	N/A
URS-chT Grozny, 1969	not rated on January 1969 list	[2376]	-1 (0/1, 0%)	-1 (0/1, 0%) vs 2438-rated opposition	N/A
Baku, 1975	not rated on January 1975 list	-	+4 (4/4, 100%)	no games vs rated opposition	N/A